

Цю Ибо вернулся, причем его привели обратно. Привела его пожилая женщина, выглядевшая весьма степенной и сдержанной. Она была одета в коричневую шелковую блузу, поверх которой накинута светло-зеленая куртка, волосы аккуратно уложены в прическу, украшенную простой, но изысканной золотой шпилькой. Увидев, что на стук в дверь вышел Цю Ибо, женщина отступила на два шага назад, слегка опустив взгляд, и сказала:

- Молодой господин, не потерялся ли у вас в доме мальчик?

Бо'Эр уже ухватился за рукав Цю Ибо и тоненьким голоском позвал:

- Братец!

Пожилая женщина кивнула и поклонилась:

- Моя госпожа, увидев, что мальчик растерян и одинок, приказала мне проводить его домой. Хотя сейчас времена мирные, все же прошу вас быть осмотрительнее.

С этими словами она снова поклонилась, развернулась и села в ожидающую неподалеку карету, которая тут же тронулась.

Цю Ибо, не зная, смеяться ему или плакать, подхватил Бо'Эра на руки. Признаться, держать на руках уменьшенную версию себя было забавно. Закрыв дверь, он спросил:

- И что это было?

Разве они не договорились изображать осиротевшего юного господина, сбежавшего от бедствий?

В руке у Бо'Эра был ярко-красный кошелек с вышитыми золотыми рыбками, довольно увесистый. Высыпав содержимое, он увидел горсть круглых серебряных орешков и рыбок – явно заказанных богатой семьей специально для раздачи в качестве подарков. Каждый весил около половины ляна, а все вместе – не меньше шести-семи лянов. Цю Ибо тоже не знал, как реагировать:

- Я спокойно шел по улице, но не успел дойти до лавки, как меня остановили слуги той госпожи. Сначала я подумал, что наконец-то начался сюжет, но та дама усадила меня в карету и долго разглядывала. Присмотревшись, я заметил, что она сама беременна. Потом она спросила, где мой дом, а я ответил, что вышел продавать картины. Госпожа даже не взглянула на них, велела вручить мне этот кошелек и лично отправила меня домой... Подумав, я не решился сказать, что моя семья погибла.

В детстве их часто обнимали беременные тетушки, которые подолгу разглядывали их – не потому что Цю Ибо с детства был невероятно милым и умным, быстро схватывал учебу и без напоминаний садился за письмо, за что учителя в семейной школе постоянно его хвалили. Считалось, что если беременная женщина будет часто смотреть на такого ребенка, то и ее дитя вырастет таким же. Очевидно, та госпожа проявила доброту, желая также заполучить благоприятное предзнаменование. Сказать в такой момент, что его семья погибла, было бы слишком жестоко.

Цю Ибо почесал нос. На месте Бо'Эра он тоже вряд ли смог бы такое вымолвить:

- А картина?

- Я подарил ее. - Бо'Эр поднял серебряную рыбку, показывая Цю Ибо. - Вроде не прогадал?

- Прогадал по полной! - Цю Ибо рассмеялся, явно не воспринимая это всерьез. Он ткнул пальцем в нос Бо'Эра и поставил его на землю. - Тяжеленный, иди сам.

Бо'Эр послушно зашагал за ним, тоненьким голоском позвав:

- Братец!

- Отвали! - Цю Ибо бросил на него взгляд, и Бо'Эр, поняв, что шутка зашла слишком далеко, вернулся к обычному облику. Одежда, конечно, осталась прежней и не подстроилась под его размер, но он совершенно спокойно прошел мимо Цю Ибо к ширме, чтобы взять висевшую там одежду. Цю Ибо на мгновение почувствовал неловкость, но затем подумал: «А чего стесняться? Все равно уже видел», - и начал откровенно разглядывать.

Его взрослое тело излучало откровенную чувственность. Мускулы не были ярко выражены, но выглядели гармонично: узкая талия, округлые бедра, длинные ноги, от которых перехватывало дыхание, когда он шел.

Бо'Эр поднял длинные волосы, зажал ленту для волос в зубах и неспешно собрал их в пучок. Движения заставили мышцы спины и плеч напрячься, обнажив изящные линии. Он обернулся:

- Не завязывается.

Цю Ибо медленно выдохнул, подошел, взял ленту из его зубов, случайно задев губы пальцем, отчего возникло мимолетное ощущение прикосновения. Бо'Эр прищурился, приподняв резкие брови, и встретился с ним взглядом:

- Нравится?

Цю Ибо усмехнулся и провел пальцем по его надбровной дуге:

- Да, нравится.

- Смотри сколько влезет, бесплатно.

Цю Ибо кивнул и провел пальцем по его губам:

- Еще опухли?

Бо'Эр резко закашлялся, внезапно смутившись. Он схватил Цю Ибо за воротник:

- Черт возьми, как ты вообще смеешь об этом говорить?! Кто так делает - прижимает голову и не отпускает?! Чуть не проткнул мне глотку! Хорошо еще, что я последователь пути, обычный бы человек захлебнулся!

- Не ожидал. - Цю Ибо схватил его за запястье, заставив отпустить воротник, усадил на кровать и с легким удовольствием принялся распутывать его волосы. - В следующий раз попробую с кем-нибудь другим.

Бо'Эр с подозрением переспросил:

- М-м? С чего это?

- Жалко твою глотку. - Цю Ибо собрал его волосы в пучок и закрепил деревянной шпилькой в даосский узел. - И как-то странно... будто трахаю себя... С другими такого не будет.

В глазах Бо'Эра вспыхнул странный, слегка злобный огонек:

- Тогда можем сходить вместе.

- Ладно, как-нибудь схожу. - Цю Ибо отмахнулся.

Хотя он так и сказал, в душе не воспринимал это всерьез. Последователи пути отличались от обычных людей: у них не было физиологических состояний вроде утренней эрекции, возбуждения от желания в туалет или просто так. Вернее, они были, но подавлялись. Если можно обходиться без еды и дыхания, живя лишь за счет ци, то какие-то пару сянов и вовсе не в счет.

(1 сян = ~50 грамм)

Спокойствие духа - вот ключ.

Но Бо'Эр не отпустил тему:

- Пошли, прямо сейчас.

Цю Ибо приподнял бровь:

- Сейчас же еще не открыто? Да и не хочется мне в обычный публичный дом.

Бо'Эр усмехнулся:

- Что, брезгуешь?

- Не то чтобы... Противно как-то. - Не мог переступить через психологический барьер.

Бо'Эр сказал:

- Тогда можем сходить в секту Хэхуань. Там на любой вкус, разве нет? Наставница Шуюй наверняка порекомендует нам пару красавиц с отличными навыками.

Цю Ибо задумался:

- Прямо сейчас?

- Раз уж речь зашла. - Бо'Эр пожал плечами.

- Занялся бы делом, Бо'Эр. - Цю Ибо ткнул его в лоб. - Я давно хотел спросить: как ты вообще не злишься?

Цю Хуайли ведь был родственником не только ему, почему злился лишь он один?

Уголки губ Бо'Эра дрогнули. Казалось, он улыбался, но в его взгляде сквозила холодность:

- Ты был непосредственным участником, вот и злишься. Я же не видел этого своими глазами, поэтому и злюсь меньше... Не смейся, если бы ты не столкнулся с этим лично, а просто услышал от Истинного Правителя Цзиньхуна или отца, то тоже не особо бы разозлился.

Бо'Эр помолчал, затем продолжил:

- К тому же, ты злишься не потому, что не можешь прямо сейчас напасть на Дворец Кровавого Прилива, разве нет?

Цю Ибо промолчал. Бо'Эр сам себе ответил:

- Не виделись сотни лет, какие уж тут чувства? Во-первых, вы не общались, во-вторых, не были в одной секте, в-третьих, у вас разные взгляды. Если бы сейчас кого-то из семьи Цю убили, разве ты рванул бы мстить?

Цю Ибо горько усмехнулся:

- Не надо было меня раскалывать.

Бо'Эр оглянулся с улыбкой:

- Ладно... Тогда я тоже страшно зол. Пошли прямо сейчас вытащим Цю Хуайли и выпорем по семейным правилам, а потом четвертуем.

Цю Ибо: «...»

Пальцы Бо'Эра дрогнули. Ему хотелось обнять Цю Ибо, но он колебался. В следующий миг его спину согрело тепло – Цю Ибо накрыл его своими длинными рукавами, обхватил за талию изящной рукой и облокотился на него, переложив весь свой вес. Он прошептал ему в ухо:

- Просто как-то неловко... Если не злиться, то выгляжу бесчувственным. Все-таки мы одна семья, если ничего не предприму, боюсь, отец будет ругаться.

- Пусть ругается. – Взгляд Бо'Эра скользнул вниз, к руке, обхватившей его талию. – Отец знает, по какому пути мы идем.

Он рассмеялся:

- Разве это не подходящий предлог?

Цю Ибо уткнулся лицом ему в спину:

- ...Тоже верно.

Они прекрасно понимали: даже без учения «Великого Бесстрастия» они все равно относились бы к Цю Хуайли с холодностью. Но «Великое Забвение» действительно служило удобным оправданием.

Если не хочешь, чтобы другие знали, просто спиши все на путь.

Цю Хуайли... был всего лишь инструментом для поддержания связи с теми, кто им дорог.

На следующий день они решили перейти к следующему сюжету. С тем антикварным магазином явно ничего не вышло, поэтому они просто оставили метку, решив вернуться через десять-двадцать лет, когда сменится хозяин.

Следующий сюжетный момент – вторая удача Осётр Небес. После того, как его избили слуги антикварной лавки и отобрали картины с пожитками, он, не имея денег на лечение и крыши

над головой, столкнулся с людьми, которых когда-то обидела семья Цю. Увидев, что Осётр Небес все еще жив, они решили унижить его.

Согласно оригиналу, они планировали отрубить ему руки и ноги, вырвать язык, выколоть один глаз, чтобы в будущем он мог существовать лишь как нищий калека.

Осётр Небес, будучи умным, заметил слежку и выманил преследователей за город. Он скрылся в полуразрушенном храме, служившем пристанищем для нищих – в основном стариков и калек. Несмотря на юный возраст, он проявил жестокость: отдал свою одежду мальчишке-нищему, похожему на него лицом и телосложением, а затем избил себя до неузнаваемости. Преследователи приняли нищего за него, и таким образом Осётру Небес удалось избежать расправы.

(Не спрашивайте, как так вышло, что нашелся похожий нищий – просто привилегии главного героя.)

Однако Осётр Небес и без того был изранен, а теперь его состояние ухудшилось. Днем, когда нищие ушли побираться, он, не в силах пошевелиться, дополз до колодца в поисках воды, но упал внутрь и случайно нашел источник силы, исцеливший большинство его ран. Это позволило ему отправиться к следующей точке сюжета, где он обрел безупречное учение физического совершенствования, позволившее ему, даже с разрушенным даньтянем, войти в мир духовного совершенствования через боевые искусства.

Поэтому они решили схитрить: сразу отправиться в полуразрушенный храм и прыгнуть в колодец, чтобы посмотреть, что там.

Но едва Цю Ибо открыл дверь, как увидел ту самую старушку, что вчера привела Бо'Эра. Она была одета так же, но выглядела еще почтительнее и, кажется, собиралась постучать. Увидев Цю Ибо, она поклонилась:

- Прошу прощения за беспокойство, осмелилась нанести визит. Надеюсь, молодой господин не осудит.

Цю Ибо сохранил невозмутимость:

- В чем дело?

Старушка выпрямилась и объяснила причину. Оказалось, вчера госпожа, принеся картину Бо'Эра, не придавала ей значения. Увидев, что работа выполнена мастерски, она велела повесить ее, надеясь на благоприятное предзнаменование. Однако вечером муж, взглянув на картину, пришел в восторг. Будучи знатоком, он снял ее, изучил и убедился в подлинности. Тут же спросил жену, откуда картина, и та рассказала о вчерашнем происшествии.

Только тогда муж осознал, что его жена подарила ребенку несколько лянов серебра, а тот в ответ отдал картину. Он чуть не потерял дар речи.

Старушка продолжила:

- Мой господин бесконечно ценит кисть господина Байшаня и всю жизнь мечтал увидеть его подлинную работу. Неожиданно мечта сбылась. Это дары господина в знак благодарности за исполнение его желания. Он просил меня спросить, не могли бы вы одолжить картину на два дня для изучения? Через два дня она будет возвращена в целости.

Она махнула рукой, и слуги внесли несколько тяжелых ящиков с подарками, намекая, что они предназначены Цю Ибо.

Тот улыбнулся:

- Дары принимаю, а картину возвращать не нужно. Передайте вашей госпоже, что я благодарен за ее доброту.

Проведя почти сто лет в чиновничьих кругах, Цю Ибо прекрасно понимал ситуацию. Если бы господин не задумался, все было бы хорошо, но, поразмыслив, он наверняка заподозрил неладное. Подлинные работы Байшаня бесценны – как можно просто отдать их за несколько лянов? Разве этот ребенок обычный? Может, кто-то специально подстроил ситуацию, чтобы обвинить его в вымогательстве или коррупции? Ведь что это за история – «спасла ребенка на улице, а он подарил»? Кто в такое поверит? Даже императорские принцы не разбрасываются десятками тысяч лянов золота! Но, вероятно, господин действительно ценил Байшаня, поэтому и прислал дары, чтобы замять ситуацию.

Приняв подарки, Цю Ибо давал понять, что, независимо от того, вернется картина или нет, в будущем можно будет сказать, что она была одолжена для изучения. Если бы он отказался, картина вернулась бы сегодня же.

Старушка, получив ответ, успокоилась, опустила глаза и поклонилась, после чего велела слугам внести дары.

Завершив миссию, она удалилась.

Только тогда вышел Бо'Эр. Он открыл один из ящиков – внутри оказались игрушки для детей семи-восьми лет: головоломки и тому подобное. Хотя на первый взгляд ничего особенного, все предметы были сделаны из ценных материалов – дерева, золота, нефрита, каждый стоил немалых денег.

- Довольно мило, – заметил он.

Цю Ибо тоже улыбнулся и поддразнил:

- Ну что, Бо'Эр, раз уж проявили такую доброту, не стесняйся – залезай в ящик и играй.

Бо'Эр бросил на него взгляд, но тоже рассмеялся.

Он махнул рукой, сложив все в кольцо хранения, а двери и окна во дворе сами собой закрылись и заперлись.

- Пошли.

- Ага. – Цю Ибо кивнул, и они вышли.

Местоположение полуразрушенного храма было подробно описано: в шести ли к югу от города, то есть примерно в двух километрах – расстояние, которое можно пройти пешком. Было только полдень, улицы кишели лотками с едой. Цю Ибо и Бо'Эр переглянулись и решили немного полениться – поесть, а затем неспешно отправиться дальше.

В конце концов, Осётр Небес добрался до колодца только между часом и тремя днями. Для точности они тоже решили прийти в это время.

И уж точно не потому, что еда пахла слишком аппетитно!

Цю Ибо сделал несколько шагов и вдруг рассмеялся. Бо'Эр последовал за его взглядом и увидел лоток с жареными хлебцами, над которым висел флаг с тремя крупными иероглифами: «Жареный хлеб».

Рядом мелким шрифтом было написано: «Птичий яд».

Бо'Эр: «...?»

Что за странный способ приготовления? Неужели не отравят насмерть?

Но у лотка собралась немалая очередь, состоящая в основном из ученых в длинных халатах.

Возможно, их взгляды были слишком красноречивы, потому что торговец, жаривший хлебцы, крикнул:

- Эй, молодые господа, не желаете попробовать жареных хлебцев? Полно сахара, гарантированно принесет удачу от Звезды Суйсин, а может, даже часть его литературного дара перейдет к вам!

- Хозяин, побыстрее! Нам еще на занятия возвращаться!

- Сейчас, сейчас!

Бо'Эр фыркнул. Он вспомнил, о чем шла речь. Хотя сам тогда не присутствовал, но следил за делами Цю Ибо. «Жареные хлебцы с птичьим ядом» - разве не этим его когда-то пытались оклеветать? Он толкнул Цю Ибо локтем:

- Это же твоя история...?

- Если бы я не сдержался, - Цю Ибо понизил голос, - то от стыда прорыл бы землю до дворца Цисинь Лувана.

Бо'Эр залился смехом:

- Может, все-таки попробуем?

- Ни за что! - Цю Ибо ущипнул его за руку. - Но и в очередь я не встану.

- Ладно, я постою, а ты продолжай копать. Только не обрушь весь Яньцзин. - Бо'Эр направился в конец очереди, и Цю Ибо, вздохнув, последовал за ним.

Лоток, видимо, пользовался популярностью: покупателей было много, хозяин загружал в котел целые корзины нарезанного белого хлеба, обильно посыпанного коричневым сахаром. Огонь горел жарко, и менее чем через полминуты хлебцы были готовы. Скоро подошла их очередь, и они заказали одну порцию. Цю Ибо, все еще помнящий, как в прошлый раз хлебцы напоминали пенопласт, наотрез отказался.

Порция состояла из пяти ломтиков - такой жирной и сладкой едой можно было наесться на семь десятых.

Только что вынутые из масла хлебцы обжигали даже через бумагу. Бо'Эр дунул, откусил и зашипел:

- Если не успел позавтракать, вполне сойдет...

Он поднес ломтик к губам Цю Ибо:

- Попробуй, а? Вкусно, честно.

Цю Ибо с подозрением посмотрел на него. Он знал себя: вполне мог изображать восторг от несъедобной еды, чтобы поделиться «удовольствием». Бо'Эр, видя его нерешительность, снова откусил и сделал довольное лицо.

Хлебец снова оказался перед ним. Цю Ибо подумал и все же откусил. С первой же крошкой он прищурился. Так и знал - в прошлый раз вкус исказило испытание внутреннего демона! Как такая вкуснятина могла быть невкусной?

Так они и ели - кусочек ему, кусочек мне, затем нашли чайную лавку, заказали мисочку пельменей и пару паровых булочек. Закончив трапезу и увидев, что время подошло, они отправились за город.

По пути Цю Ибо почувствовал, как у него дергается правый глаз. Но, вспомнив, что левый глаз дергается к богатству, а правый - просто суеверие, он не придал этому значения. Лишь когда они добрались до полуразрушенного храма в шести ли к югу от города, он понял: правый глаз не зря беспокоился. Ведь если он сам может совершенствоваться, то и суеверия - вовсе не суеверия.

Перед ними был не полуразрушенный храм, а величественное здание, наполненное шумом голосов и клубами благовоний. Еще не зайдя внутрь, они увидели золотую табличку с тремя иероглифами: «Храм Звезды Суйсин».

Цю Ибо криво усмехнулся:

- Идем внутрь?

Бо'Эр пытался сохранить серьезность, но его уже трясло от смеха:

- Раз уж пришли, как можно не зайти? А вдруг Звезда Суйсин разгневется? Да-а-а? Гогочет

Цю Ибо не успел ответить, как проходившая мимо старушка сказала:

- Верно говорите! Вижу, вы тоже ученые. Поклониться Звезде Суйсин - самое правильное. Непочтительность к храму - это ужасно! Вдруг Звезда разгневется? Что тогда?

Цю Ибо: «...»

После того как он сам себе устроил похороны, сам себе поставил памятник, сам ограбил свою же гробницу, Цю Ибо добавил в копилку достижений: сам себе возжег благовония.

Что за чертовщина?!

Бо'Эр затащил его внутрь и купил за большие деньги шесть огромных благовонных палочек «Восхождение в облака». Три он отдал Цю Ибо и повел его в главный зал. Внутри царил тишина - посетители вели себя прилично, почти не разговаривали. Подняв глаза, они увидели покрытую золотом и красками статую, облаченную в разноцветные шелка. В левой руке она держала быка, в правой - свиток, лицо было красивым и строгим, а глаза, подведенные золотом, смотрели вниз, словно созерцая смертных.

Перед статуей на алтаре лежали цветы, фрукты и овощи, зал украшали разноцветные флаги с молитвами, а плитки перед алтарем были отполированы до блеска бесчисленными поклонами. Бо'Эр, человек гибкий, без проблем опустился на колени, воздел благовония и, что-то бормоча, трижды ударился лбом об пол так, что плитка задрожала. Затем он вставил палочки в курильницу и, словно ничего не произошло, подгонял Цю Ибо:

- Давай быстрее, сзади люди ждут.

Цю Ибо и без того знал, что сзади на него наверняка смотрят с неодобрением. Пришлось поклониться, поставить благовония и уйти. На выходе они услышали, как кто-то ворчал:

- Нынешние ученые и к Звезде Суйсин неуважение проявляют, просто мир перевернулся! Пусть Звезда не дарует таким удачи на экзаменах, не заслужили!

Бо'Эр шепотом повторил:

- Не-за-слу-жи-ли!

Цю Ибо медленно выдохнул:

- Спасибо, я умер.

Бо'Эр расхохотался и повел его осматривать храм. Судя по всему, ему было много лет, но прихожане заботились о нем: сломанные плитки и черепицу заменяли. Хотя обычный человек не заметил бы разницы, они сразу видели, где новое, а где старое.

- Колодец-то не засыпали? - неуверенно спросил Бо'Эр.

В оригинале полуразрушенный храм состоял из одного главного зала, а нынешний храм Звезды Суйсин занимал как минимум три-четыре двора. Только что они слышали, как кто-то говорил о восточном и западном садах для прогулок. Судя по всему, храм перестроили и расширили. А при расширении, учитывая важность геомантии, колодец могли и засыпать.

Цю Ибо предложил:

- Может, сначала осмотримся?

Бо'Эр покачал головой:

- Если засыпали, это твоя вина.

Цю Ибо: «...»

- Может, хватит уже это обсуждать?

Бо'Эр провел пальцем по губам, показывая, что замолкает. Цю Ибо спросил:

- А где твой искатель сокровищ? Достань, проверим.

В конце концов, вещей, способных исцелять и при этом безопасных для обычных людей, не так много. Вполне возможно, это была трава Цинлин. Зачем прыгать в колодец, если можно просто проверить?

Бо'Эр поднял бровь:

- А ты сам почему не помотришь?

Цю Ибо ответил:

- Во время преодоления катастрофы они меня так достали, что я все удалил.

- Хрюкнул - Бо'Эр нахмурился. - Seriously до этого дошло?

- Ты о чем? - Цю Ибо беззаботно передал мысль: [Смотри, я же в порядке. Какие-то учения мне не страшны. Сейчас я использую «Бесскорбный Пик» - он быстро сдался, остальные подождут. Твой отец талантлив, даже с посредственной техникой смог преодолеть катастрофу.]

Затем он спросил: [Ты правда ничего не слышал?]

Бо'Эр покачал головой: [Наверное, потому что я был в ледяной тюрьме и сосредоточился на подавлении «Кровавого Пути». Сейчас мое основное учение - «Великое Бесстрашие», так что никаких голосов.]

Цю Ибо усмехнулся: [Ха, так ты что, хочешь пойти дальше «Пути убийства мужа»?]

[Убийства себя?] - парировал Бо'Эр. [Если дойдет до этого, ты просто создашь копию, и я ее убью. Все равно не отличу, обману себя - и ладно.]

Цю Ибо фыркнул: [Мечтай... Ладно, а искатель сокровищ у тебя работает? Если нет, я изучу заново.]

[Работает, не надо.] Вдруг Цю Ибо снова услышит что-то странное? Лучше уж он сам проверит.

Бо'Эр осмотрелся: [На востоке есть дерево, пораженное молнией, больше ничего.]

[Но оно же не лечит.] Пораженное молнией дерево использовалось для создания артефактов - само по себе оно было отличным материалом, обладающим свойствами изгнания зла и разрушения проклятий. Но в алхимии оно почти не применялось из-за своей яростной природы, не говоря уже о поедании - один укус, и проблемы гарантированы.

Продолжая болтать, они осматривались. Для других посетителей они выглядели как пара молчаливых любителей пейзажей. Храм был большим, и колодцев тоже хватало - они насчитали шесть, два из которых находились в жилых помещениях зрителей (ведь такой храм требовал ежедневного ухода и не одного человека), а остальные четыре - во дворах, вероятно, для полива растений.

Они единодушно направились в западный двор, по пути прихватив пораженное молнией дерево, а затем подошли к колодцу и замерли в нерешительности - кто прыгает?

Проблема была не в чем-то другом. Колодец сужался кверху: диаметр отверстия составлял около полутора чи, как раз для ведра, с небольшим запасом пространства. Внизу была тьма - мало света проникало в узкое отверстие, лишь изредка виднелись блики на воде. Стенки были выложены кирпичом, но за долгие годы покрылись мхом и папоротниками.

(1 чи = ~30 см)

Или, если описать иначе, это место выглядело так, будто вот-вот начнет кишеть призраками, и в любой момент оттуда может высунуться чья-то рука.

Бо'Эр сказал:

- Внизу же ничего нет... Может, просто спустимся?

Цю Ибо вежливо поинтересовался:

- Ты уверен?

Бо'Эр:

- Это ты хотел проверить, я просто с тобой.

- Мы что, разделяемся?

- Конечно, ты - это ты, а я - это я. - Бо'Эр подчеркнул: - Ты - крутой, я - лузер. В таких ситуациях разве не ты должен лезть?

Они переглянулись и решили проблему традиционным способом.

- Камень!

- Ножницы!

- Бумага!

Бо'Эр торжествующе поднял бровь, показав свою «бумагу»:

- Ну что, добро пожаловать!

Цю Ибо провел рукой по лицу и покорно прыгнул в колодец. Для обычного человека такая ширина была бы проблемой, даже для ребенка, но не для него. В мгновение ока он уже был внутри, окруженный сияющими золотыми огоньками, которые сжигали всю растительность на своем пути. Если бы там была призрачная рука, она бы тут же обратилась в пепел.

Колодец оказался глубоким - Цю Ибо опускался почти десять метров, прежде чем достиг дна. Там было полно всякой всячины: заколки, платки, ведра, палки для стирки, серебро, медные монеты, благовония, бамбуковые вертушки... но никаких духовных трав.

Для верности он собрал весь хлам, сбросил в новое кольцо хранения, затем обшарил стенки - это было проще, достаточно было все сжечь. Он даже соскоблил ил со дна, пока не добрался до источника воды.

Мгновение - и он снова стоял рядом с Бо'Эром, как ни в чем не бывало. Тот поднял большой палец:

- Круто!

Цю Ибо нахмурился и посыпал себя благовониями - в колодце все же было немного затхло.

- Пошли к следующему.

Следующий колодец выглядел получше. Они снова решили судьбу игрой, и после обследования всех шести колодцев не стали возвращаться, а попросили зрителя снять комнату на два дня, чтобы ночью проверить, не появится ли что-то новое.

- Думаю, ничего не осталось, - Бо'Эр лениво потянулся на кровати.

Только что они под покровом темноты снова проверили колодцы, и он просканировал их с помощью искателя сокровищ - все было так же, как днем. Они подумали, что бессмысленно дежурить у колодца - сколько можно? - и оставили в каждом артефакт, чувствительный к духовной энергии. Если что-то изменится, они узнают.

Цю Ибо кивнул. У них даже не было настроения разбирать найденный хлам - честно говоря, многолетний ил в колодцах имел весьма специфический аромат...

Не хотелось.

Хотелось лениться.

Цю Ибо откинулся на подушки, листая новую книгу, и небрежно сказал:

- Поживем здесь пару дней. Если ничего, перейдем к следующему.

Бо'Эр вздохнул:

- Эх, раньше куда ни пойдешь - везде удача. А теперь постарели, и Небеса нас разлюбили!

Цю Ибо задумался:

- Думаю, да. Наверное, Небесный Отец нашел себе новых любимчиков.

Действительно, давно не было удачи. Он даже начал скучать по тем временам, когда на каждом шагу попадалось что-то новое.

Хотя отсутствие удачи - тоже благо. Оглядываясь назад, он понимал: поначалу удача просто дарилась, но чем дальше, тем опаснее она становилась. В «Местности Отрешенного Огня» был Даосский Правитель Сянмин, в «Местности Синего Тумана» - иллюзорная ночная рыба-дракон. Один неверный шаг - и смерть.

Стоит ли рисковать жизнью ради удачи?

Иногда да, иногда нет.

Цю Ибо тихо рассмеялся и ткнул Бо'Эра ногой:

- О чем переживать? Теперь Отец сам раздает удачу... Кстати, ты встречал хороших учеников? У тебя же много учений, пора искать, кому передать.

- Ты же говорил, что нашел, кому передать «Бескорбный Пик»? Как там дела? - Бо'Эр тоже ткнул его в ответ.

Они продолжали пинать друг друга, не прерывая разговора, - настоящие таланты.

Цю Ибо подозрительно помолчал:

- Не следил. И имя забыл, помню только, что у него была «девять Иньских прерванных меридианов» или «девять прерванных Иньских меридианов». Может, уже умер.

Бо'Эр фыркнул:

- Может, проявишь немного участия?

- Учитель ведет к воротам, совершенствование зависит от ученика. - Цю Ибо развел руками. - Не знаю, как у других, но у меня такие условия: хочешь - учись, не хочешь - проваливай. Если у тебя есть терпение, учи сам.

- Не пойду, у меня нет терпения, я плохой учитель. - Бо'Эр быстро открестился, подкрепив это странной логикой: - Кому суждено - научиться и без учителя, кому не суждено - и из ложки не станет есть. Мы, последователи пути, во всем должны искать предначертание... Зевает

Они рассмеялись, доели сладости, умылись и легли спать.

Посреди ночи Цю Ибо почувствовал, как его толкают. Решив, что это Бо'Эр шалит, он отмахнулся:

- Отстань!

- Просыпайся! Быстро!

Бо'Эр тоже отмахнулся:

- Отстань! Цю Ибо, ты что, с ума сошел? Я только заснул!

- Это не ты меня толкал?! - Цю Ибо ругался, не открывая глаз. - Ты вообще знаешь, как мне сейчас сложно заснуть?!

Они внезапно распахнули глаза и сели, увидев, что их чистая и аккуратная комната теперь битком набита людьми.

Хватило бы на пять столов для маджонга и еще осталось.

Кто не знал - подумал бы, что они в доме престарелых.

Во главе стоял призрак старого даоса, который улыбнулся:

- Простите, что потревожили ваш сон, дорогие друзья.

Цю Ибо: «...»

Бо'Эр: «...»

Цю Ибо хотел насторожиться, но, оглядев присутствующих, понял: самый сильный здесь - старый даос уровня Объединения, остальные - не выше Превращения. Можно с уверенностью сказать, что все они вместе не справятся с ним одним.

Где же обещанная новая любовь Небесного Отца?

Сейчас Цю Ибо думал не о том, чтобы достать список учений и предложить им выбрать, а о том, чтобы внести их информацию в список для будущих учеников.